Энтони Хоуп

–

Пленник замка Зенда

Москва
2023

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х85

Anthony Hope

THE PRISONER OF ZENDA

Перевод с английского
Антона Иванова и *Анны Устиновой*

Художественное оформление *Степана Костецкого*

Хоуп, Энтони.

Х85 Пленник замка Зенда / Энтони Хоуп ; [перевод с английского А. Иванова и А. Устиновой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-186570-2

Энтони Хоуп — знаменитый английский писатель, автор остросюжетных романов, заслуживших популярность у широкой публики. Именно Хоуп придумал страну Руританию, ставшую в англоязычном мире именем нарицательным для типичной центральноевропейской страны.

Кронпринц Руритании Рудольф похищен и заточен в замок в городке Зенда своим единокровным братом Михаэлем. Коронация под угрозой! По счастливому стечению обстоятельств, как раз в это время по Руритании путешествует благородный англичанин Рудольф Рассендилл, дальний родственник узника Зенды, обладающий с ним поразительным внешним сходством. Придворные убеждают его «подменить» пропавшего кронпринца, и с этого момента жизнь Рассендилла переворачивается с ног на голову.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© А. Иванов, А. Устинова, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-186570-2

Глава I

Рассендиллы и Эльфберги

— Когда же вы наконец займетесь чем-нибудь путным, Рудольф? — спросила меня за завтраком жена брата.

— Не вижу в этом никакого смысла, дорогая Роза, — возразил я и отложил в сторону ложку, которой ел яйцо. — Я и так вполне обеспечен. Я ведь могу почти ни в чем себе не отказывать. Чего же мне еще желать? Все равно, сколько ни бейся, всего себе не позволишь. Так уж устроен этот мир. Титулов мне тоже хватает. Как никак я брат лорда Бэрлсдона и деверь его очаровательной жены-графини. По-моему, больше, чем достаточно. Во всяком случае, для такого человека, как я.

— Но, Рудольф, — настаивала она, — вам ведь уже двадцать девять лет, а вы ничем не заняты, вы...

— Вы правы, — перебил ее я, — я просто бездельничаю. Но зачем в нашей семье что-то делать?

Последнее мое замечание очень рассердило Розу. Ни для кого не секрет (именно поэтому я и решаюсь заявить об этом во всеуслышание), что, невзирая на все очарование, красоту и прочие дос-

тоинства, Роза принадлежала далеко не к такой знатной семье, как Рассендиллы. Правда, недостаток благородных кровей она восполняла более чем солидным капиталом. Видимо, именно это обстоятельство побудило благоразумного моего брата проявить отчаянное мужество. Он нашел в себе столько самообладания, что не только женился на Розе, но и как будто забыл о недостаточной ее родовитости.

— Вот только странно, отчего это в самых родовитых семьях иногда происходят прескверные вещи, — не осталась в долгу Роза.

Я вздрогнул. Рука моя невольно потянулась к волосам, и я почти бессознательно принялся приглаживать их. О, я-то прекрасно понял, на что она намекает.

— Хорошо, что хоть у Роберта волосы черные! — воскликнула Роза.

Я поглядел на дверь, в которую как раз входил мой брат. В отличие от меня он ежедневно поднимался с постели не позже семи часов и, по его словам, успевал до завтрака так славно потрудиться, что садился за стол со сладостным чувством выполненного долга.

Заметив, что лицо жены раскраснелось, он подошел к ней и, ласково потрепав по щеке, спросил:

— Что случилось, дорогая?

— Понимаешь, — быстро ответил я, — ей не нравятся ни мои рыжие волосы, ни то, что я не желаю ничем заняться.

— Ну, волосы, положим, не его вина, — милостиво признала Роза.

— В каждом поколении Рассендиллов кто-нибудь рождается с таким носом или с такими волосами, как у Рудольфа. Ему посчастливилось унаследовать и волосы, и нос сразу, — объяснил брат.

— Я предпочла бы, чтобы в нашей семье такого вообще ни у кого не было, — упорствовала Роза, и ее красные щеки свидетельствовали, что гнев ее еще не прошел.

— И что это вы ополчились на мою внешность? Мне лично она даже нравится, — возразил я, отвешивая поклон портрету графини Амелии.

Жену брата это еще больше вывело из себя.

— Я тебе была бы очень признательна, Роберт, если бы ты убрал отсюда этот портрет, — сказала она, и в голосе ее послышалось раздражение.

— Но, дорогая, это невозможно! — запротестовал Роберт.

— Удивляюсь, Роза, как вы даже подумать могли о таком кощунстве! — добавил я.

— Тогда, по крайней мере, мы могли бы забыть об этой истории, — не сдавалась она.

— Не думаю, — с сомнением покачал головой Роберт. — Пока Рудольф с нами, мы никогда не сможем о ней забыть.

— Но я не понимаю, зачем вам потребовалось забывать? — удивился я.

— Но, Рудольф! — крикнула жена моего брата; теперь лицо ее совсем разрумянилось, и от этого она еще больше похорошела.

Я засмеялся и снова принялся есть яйцо. Такое завершение беседы меня вполне устраивало. Во вся-

ком случае, они так и не решились пристроить меня к какому-нибудь занятию, и вопрос об этом снова откладывался на неопределенное время. Но я не успокоился. Мне хотелось еще немного позлить очаровательную Розу. Вот почему, напустив на себя самый невинный вид, я заметил:

— Как все-таки хорошо, что я Эльфберг!

Сейчас я вдруг подумал, что люди чрезвычайно непоследовательны. Например, в чужих книгах мне всегда досадно, если автор уходит куда-то в сторону. Это ужасно мешает, и я принимаюсь перелистывать страницы и не останавливаюсь до тех пор, пока снова не нащупаю прерванную линию сюжета. Но вот я начал писать сам и тут же столкнулся с необходимостью отступить от основной линии своего повествования. Ведь если я этого не сделаю, вы, дорогие читатели, ни за что не догадаетесь, отчего мои вполне невинные слова так вывели из себя прелестную Розу и почему, наконец, я с гордостью назвал себя Эльфбергом.

Сколь ни велик сам по себе род Рассендиллов, все же ничто, на первый взгляд, не оправдывает моих претензий на родство с Эльфбергами. Действительно, какая связь может существовать между Бэрлсдоном и Руританией, между особняком Рассендиллов на Парк-Лейн, 305 и дворцом в Стрелсау, а также замком Зенда? Все это может показаться настолько несопоставимым, что если вы, дорогие читатели, посчитали мои слова за простое бахвальство, я просто не имею права обижаться. И все же...

Для того чтобы объяснить, в чем тут дело, мне придется рассказать давнюю историю. Ту самую историю, которую милая Роза предпочла бы навечно предать забвению. Так вот, это произошло в 1733 году. Англией правил король Георг II. Тогда он еще не поссорился с принцем Уэльским, и в стране царили мир и согласие. Именно в это время королевство посетил некий иностранный принц, который впоследствии правил в Руритании и вошел в историю под именем короля Рудольфа Третьего.

Это был красивый, статный молодой человек. Внешность его была отмечена сразу двумя характерными чертами: острым прямым носом весьма внушительных размеров и шапкой рыжих волос. Иные считали, что это обезображивает его внешность, другие, напротив, находили и шевелюру, и нос просто очаровательными. Кто из них прав, а кто нет — судить не мне. Гораздо важнее отметить, что подобные носы и волосы были отличительной чертой всех Эльфбергов и неизменно передавались из поколения в поколение.

Английское общество приняло принца чрезвычайно радушно, и он прожил тут несколько месяцев. Лишь в самом конце его пребывания случилась весьма странная история. Некий довольно известный дворянин вызвал принца на дуэль.

Надо заметить, что дворянин этот был известен не только своей родовитостью, но и, в не меньшей мере, красотой своей жены, которая, говорят, и стала причиной дуэли. Принц не отказался от

вызова, чем укрепил уважение англичан к своей особе, — ведь он был гостем страны, наследником престола Руритании и вполне имел право отказаться от дуэли. Но принц дрался, был ранен, а затем посол Руритании, сочтя, что сановный гость и так наделал достаточно шума, поспешил отправить его на родину.

Дворянин во время дуэли не получил даже царапины, но все-таки пострадал куда больше принца. Утро их поединка выдалось сырым и холодным. Дворянин простудился настолько сильно, что так и не смог оправиться. Полгода спустя после отъезда принца он, не снизойдя до объяснений с женой, умер. Прошло еще два месяца, и вдова его благополучно родила наследника титула и состояния Бэрлсдонов.

К этому мне остается добавить совсем немного. Титул дворянина, так и не дождавшегося рождения наследника, полностью звучит так: Джеймс, пятый лорд Бэрлсдон, двадцать первый барон Рассендилл, пэр Англии и кавалер ордена Подвязки. Жена его была не кто иная, как графиня Амелия, чей портрет ныне красовался в нашей гостиной. И последнее: тому, кто не поленится осмотреть портретную галерею в Бэрлсдоне, среди портретов, писанных за последние полтораста лет, наверняка бросятся в глаза шесть. Дело в том, что субъекты, на них запечатленные, резко отличаются от прочих представителей старинного и славного рода длинными носами, шапками густых рыжих волос, а так-

же голубыми глазами, в то время как у остальных Рассендиллов глаза по преимуществу карие.

Ну вот. Наконец-то я с этим разделался, и, признаться, очень рад. Родословные знатных семейств — тема чрезвычайно опасная. Готов присягнуть, что история любого именитого рода изобилует скандальными эпизодами. Ах, какое тут открывается поле деятельности для сплетников! Сколько всего они могут вписать между строк «Книги пэров»!

Впрочем, меня эти домыслы ничуть не трогают, и я был бы рад, если бы жена брата последовала моему примеру. Но, увы, ее-то как раз просто до бешенства доводят и моя рыжая шевелюра, и длинный нос, и вообще моя внешность. Она воспринимает ее как личное оскорбление. Правда, она, видимо, сама чувствует некую шаткость своей позиции. И, понимая, что меня, как и любого прочего смертного, невозможно винить за те, а не иные черты лица, она изо всех сил старается выискивать во мне мыслимые и немыслимые недостатки. По ее словам выходит, будто я веду совершенно никчемное существование, да и вообще даром копчу небо. В этом я с ней никогда не мог согласиться. Мне-то уж наверняка лучше известно, даром или нет я живу. Вот почему могу заявить с полной ответственностью: если Розе мое пребывание на земле и мой образ жизни не доставляет радости, то я, напротив, получаю и от того, и от другого живейшее удовольствие.

Во-первых, я успел довольно многому научиться, и это само по себе доставляет мне огромное наслаждение. Сперва я учился в немецкой школе, затем — в немецком университете. Теперь я владею немецким столь же свободно, как и английским. С французским языком у меня тоже сложились вполне неплохие отношения. На итальянском я свободно болтаю. Несколько хуже обстоит дело с испанским, но и на нем я могу объясниться на улице и даже — в случае надобности — кого-нибудь обругать. Я никогда не отличался особенным изяществом в фехтовании, однако рапирой владею неплохо, да и стреляю достаточно метко. Верхом я могу ездить на любом животном, если только у него есть спина, и, наконец, смею заметить, несмотря на пламень моей шевелюры, я отличаюсь достаточным здравомыслием.

Конечно, многие, наверное, как и Роза, возмутятся, почему я не хочу посвятить свои знания и свой разум какому-нибудь достойному и полезному занятию. На это я могу возразить, что в равной мере не просил своих родителей наделять меня охотой к перемене мест и занятий, а также оставлять в наследство две тысячи фунтов годового дохода. Но судьбе было угодно, чтобы любезные родители наградили меня и тем, и другим, и тут уж ничего не поделаешь.

А теперь поспешим, дорогие читатели, вернуться в столовую Рассендиллов, где милейшая Роза — да благословит Господь ее простодушие! — обратилась ко мне с одной из тех речей, которые

она обычно произносит на различных собраниях. Впрочем, Роза и дома говорит всегда так, словно выступает перед солидной аудиторией.

— Знаете, Рудольф, чем отличаетесь вы от своего брата? — риторически вопрошала она. — Ваш брат сознает, сколь серьезные обязательства перед обществом налагает высокое положение вашей семьи. Вы же извлекаете из этого положения одни преимущества.

— Милая Роза, — смиренно ответил я. — Ну как вы до сих пор не поймете: то, что люди попроще почитают за привилегии и удовольствия, люди нашего круга называют своими священными обязанностями. Мне кажется, это самая очаровательная уловка из всех, которые изобрели наши предки.

— Как вам не стыдно говорить такое! — гневно вскинув голову, укорила она меня. — Я знаю, какое лестное предложение вы получили от сэра Джекоба Борродейла.

— Ну нет! Благодарю покорно, — поспешил отмежеваться я от сэра Борродейла.

— Но всем известно: через полгода сэр Джекоб станет послом. Если бы вы согласились поехать с ним, он добился бы для вас должности атташе. Соглашайтесь, Рудольф, доставьте мне удовольствие.

Нельзя сказать, что я горел желанием посвятить ближайшие годы жизни общению с сэром Джекобом. Однако сердце не камень, и, видя, как моя прелестная родственница заламывает руки, самым отчаянным образом уговаривает и даже

молит меня, я начал испытывать сильнейшие угрызения совести. К тому же я вдруг подумал, что должность, которую мне предложил сэр Джекоб, не столь плоха, как те, что сулили мне раньше. Собственно, мне предлагали за жалованье пожить в незнакомой стране, что, при склонности моей к путешествиям, показалось мне весьма заманчивым. Вот почему, предоставив Розе исчерпать поток красноречия, я соблаговолил сменить гнев на милость.

— Ну что ж, дорогая сестра, — сказал я, — если за ближайшие полгода не произойдет ничего сверхъестественного, а сэр Джекоб не раздумает взять меня с собой, обещаю принять его предложение.

— О, Рудольф! Вы даже представить себе не можете, как обрадовали меня! — начала благодарственную речь Роза.

— А куда он едет? — поспешил спросить я.

— Он еще точно не знает. Но, уверяю вас, это будет престижное посольство.

— Вы меня недооцениваете, мадам. Уж если я решил доставить вам радость, ничто меня не остановит на этом пути. Обещаю вам, я приму предложение сэра Джекоба, даже если его зашлют куда-нибудь на край света.

Так была решена моя судьба. Но полгода есть полгода. И, зная, что именно этот срок отделяет меня от славного поприща атташе, я не столько грезил будущими занятиями (впрочем, я представлял себе их лишь чрезвычайно приблизительно),

сколько с радостью думал о том, что впереди у меня еще целых шесть месяцев вольной и праздной жизни. Нужно ли удивляться, что все мои помыслы были направлены только на то, как бы получше провести оставшееся время. И вдруг я вспомнил о Руритании. Вот куда я теперь непременно отправлюсь!

Как ни странно может показаться на первый взгляд, я, разъезжая по свету, еще ни разу не попал в Руританию. Виной тому мой покойный отец. Питая тайную симпатию к Эльфбергам (даже Рудольфом я был назван в соответствии с традициями этого рода!), отец, тем не менее, категорически запретил мне путешествие в эту страну. После его кончины за дело взялся мой брат. Он, видите ли, свято хранил традиции Рассендиллов — и делал это с таким упрямством, что, не сомневаюсь: без вмешательства милой Розы тут не обошлось.

Однако сейчас, продав себя в рабство сэру Джекобу, я решил больше не считаться с мнением брата и Розы. «Не у одних только Эльфбергов рождаются дети с длинными носами и рыжими шевелюрами», — думал я, и чем больше я убеждал себя, тем сильнее стремился в Руританию. Да и как могло быть иначе, если такой страстный путешественник, как я, до сих пор не побывал в одном из самых процветающих королевств Европы? И вот именно в эти дни я вдруг раскрываю «Таймс» и вижу сообщение, что коронация Рудольфа Пятого, нового короля Руритании, состоится в столице королевства, городе Стрелсау. В объявлении так-